

уровне. Обходя стороной богатую историю мерансской системы, надо сказать, что в наши дни чаще играют 10.d5, признавая тем самым правоту Созина.

Если проблемы «мерана» волнуют сравнительно узкий круг шахматистов, то так нельзя сказать про сицилианскую защиту. Вениамин Созин открыл одно из главных направлений в развитии этого дебюта. По югославской классификации это, как минимум, разделы B86–89. Близкие позиции могут получиться и в системе Найдорфа. Здесь уместно привести цитату из книги Болеславского «Избранные партии». Гросмейстер разбирает свою партию с Арониным (XVII первенство СССР, Москва 1949 год): «1.e4 c5 2.дf3 дc6 3.d4 cd4 4.дd4 5.дf6 5.дc3 d6 6.дc4 e6 7.дb3 дe7 8.дe3 0-0 9.0-0 дa5 10.f4 b6 11.e5 дe8 12.f5! de5 13.fe6 f6? [13...дb3] 14.дf5! дb3 15.дd5! дd4 16.дde7 дh8 17.дg6 1 : 0

Среди множества сокрушительных сицилианских атак, начинавших-

ся ходом 6.дc4, некоторые состоялись еще при жизни Созина. Например, Вениамина Иннокентьевича довелось увидеть такую миниатюру:

Е. Геллер – И. Ватников B88
Киев, 1950

1.e4 c5 2.дf3 дc6 3.d4 cd4 4.дd4 5.дf6 5.дc3 d6 6.дc4 e6 7.дb3 дe7 8.дe3 0-0 9.0-0 дa5 10.f4 b6 11.e5 дe8 12.f5! de5 13.fe6 f6? [13...дb3] 14.дf5! дb3 15.дd5! дd4 16.дde7 дh8 17.дg6 1 : 0

Как часто бывает, возраставший интерес к изобретению не означал адекватного внимания к личности автора. Нет никаких свидетельств о том, что шахматный мир вспомнил о шестидесятилетии Созина. В 1956 году, юбилейном и, к несчастью, последнем для Вениамина Иннокентьевича, судьба все же готовила ему подарок. Правда, на другом континенте. В тот год первых заметных успехов добился Роберт Фишер. Юный американец тогда еще против сицилианской защиты избирал закрытую схему, но вскоре он взял на вооружение ход 6.дc4 и долго оставался самым верным сторонником идеи Созина.

Р. Фишер – Б. Ларсен B88

Денвер, 1971

1.e4 c5 2.дf3 d6 3.d4 cd4 4.дd4 5.дf6 5.дc3 дc6 6.дc4 e6 7.дb3 дe7 8.дe3 0-0 9.0-0 дd7 10.f4 дc8 11.f5! дd4 12.дd4 ef5 13.дd3! fe4 14.дe4 дe4 15.дe4 дe6 16.дf3 [16.дae1?] 16...дc6 17.дe1 дe4 18.дe4 d5! 19.дg3 g6 20.дd5 дd6? [20...дd5 21.дe7 a6=] 21.дe6! дg3 22.дe7 дd6 23.дb7 дac8 24.c4 a5 25.дa7! дc7 26.g3 дfe8 27.дf1 дe7 28.дf6 дe3 29.дc3 h5 30.дa6 дe5 31.дd2 дd3 32.дe2 дd4 33.дc3 дcc4 34.дc4 дc4 35.дd3 дc5 36.дa5 дa5 37.дa5 дb2 38.a4 дf8 39.дc3 дc3 40.дc3 дe7 41.дd4 дd6 42.a5 f6 43.a6 дc6 44.a7 дb7 45.дd5 h4 46.дe6 1 : 0

И до сей поры ход 6.дc4 требует серьезного к себе отношения даже от великих шахматистов. Для примера можно назвать партию Топалов – Каспаров (Амстердам 1996).

Завершая этот неполный рассказ, совсем не затронувший частную жизнь нашего героя, хочется еще раз подчеркнуть: испытательный срок, предложенный Созину в 1935 году безоговорочно отменен высшей инстанцией – самим временем.

Лариса Вольперт

Читая статью “Васильевский остров”

Дорогая редакция!

Хочу выразить журналу глубокую благодарность. Раскрыла «Шахматный «Петербург» №3 (17) 2000 г., увидела статью «Васильевский остров» Вадима Файбисовича о мастере Викторе Васильеве и очень обрадовалась. Огромное спасибо вам всем: ведь это так важно суметь сохранить память о необыкновенном человеке. Часто это оказывается труднейшей задачей. Как сделать так, чтобы достойное имя не было навсегда забыто, не кануло безвозвратно в Лету. Именно такая судьба ждала Виктора. Ему досталась горькая доля. Война его подло и страшно искалечила, лишила руки и ноги, но сделать из него мизантропа или бездушного циника не смогла. Он до конца жизни оставался полноценной личностью, отзывчивым человеком, сильным шахматистом и прекрасным тренером.

Я познакомилась с Виктором Васильевым осенью 1944 года в Шахматном клубе, расположенном в то время на Литейном проспекте, где начала играть в турнире на вторую категорию. Мне – 18 лет, я только что поступила в ЛГУ, но куда больше, чем учить французский, мне хотелось двигать фигуры. Во время эвакуации играть в шахматы приходилось редко и я сильно «изголодалась». Помнится, пона-

чалу в турнире игра не шла. Но вот – ничья с худеньким высоким мальчиком со странной фамилией Корчной (он, кстати, в отличие от меня, до сих пор помнит эту «испанку») прибавила мне уверенности, и дела стали поправляться.

Плохо было одно: некому показать партию. До войны я 3 года занималась во Дворце пионеров (в последнее время – с В. Г. Заком), знала уже немало шахматистов, но в 1944 году в клубе – увы! – ни одного знакомого лица. А посмотреть партию надо, естественно, «до зарезу». И вот я заметила, что некоторым из нашего турнира анализировать помогает какой-то неизвестный мне человек на костылях, страшно изувеченный войной. Поначалу смотреть на него было мучительно, от сочувствия буквально перехватывало горло, но постепенно я привыкла к его суровому лицу, а в строгом голосе уловила скрытую благожелательность. Его блистательный анализ увлекал многих, вокруг его столика всегда толпился

народ. Скоро мне стало известно, что он – мастер и даже очень сильный.

Однажды я решилась, набралась смелости и попросила рассмотреть со мной только что проигранную партию. Как мне сейчас представляется, вид у меня был жалкий: робела, запиналась, план атаки



был неудачным и в довершение – перепутанная запись. Он молча восстановил пропущенный ход – и началось для меня нечто совершенно новое. Мне почему-то особенно запомнился именно этот анализ, так сказать, наше знакомство. Я внезапно поняла два важных закона: один, касающийся миттельшипеля (как бывает наказана атака на ферзевом фланге, если ты забыл о своем королевском), и другой, касающийся эндшипеля (я жадно хватала поддаваемый материал, а в ферзовом окончании важна лишь продвинутость пешки). Анализ превратился в увлекательный и поучительный урок. Мне страшно захотелось его повторить, но он в другой раз куда-то спешил, и я грустно сказала себе: «хорошенького понемножку».

Но вот однажды мне удалось провести эффектную (как я полагала) комбинацию и заматовать черных. В момент смакования триумфа он подошел (я уже знала, что его зовут Виктор Андреевич Васильев) и показал простой маневр, с помощью которого мой противник легко выигрывал (жертва оказалась некорректной). Как ушатом холодной воды облил, но тут же утешил: «Я мог бы пару месяцев позаниматься с вами миттельшипелем». Ради этого стоило вытерпеть десять «ушатов»!

Начались занятия. Я приходила в его комнатку в коммунальной квартире, шахматы уже были расставлены, занимались мы, действительно, преимущественно миттельшипелем, иногда эндшипелем, дебют принципиально игнорировался, чему я, признаться, была нескованно рада. Занятия были очень увлекательными. Он ставил позицию, предлагал ее оценить, предложить план, и тут начиналось царство такти-

ки. За несколько месяцев такой «школы» я почувствовала себя в миттельшипеле намного уверенней и, кажется, к лету 1945 года набрала вторую категорию.

У него был тяжелый быт (он ждал с нетерпением жену с Урала), полная неустроенность, а занимался он со мной «в общественном порядке», как тогда называлось. Так и осталось у меня на всю жизнь ощущение вины: почему я не думала о его материальных трудностях, не постаралась «выбить» для него какие-нибудь деньги? Оправдаться можно: я не была хоть сколько-нибудь известной шахматисткой, ни в каком спорте не состояла, честно говоря, даже не предполагала, что за учебу кто-то может платить. Мой взгляд был ограниченным: его поведение считала нормой, а он был человеком необыкновенным, поразительно стойким и великодушным.

Поэтому статья «Васильевский остров» вззволновала меня от души. Я бесконечно благодарна В. Файбисовичу, потратившему, как можно предположить, много времени и усилий, чтобы разыскать партии Виктора Васильева, его результаты в турнирах, факты биографии, сделать все возможное, чтобы, пусть через полвека, попытаться спасти его имя от забвения. Теперь Васильевский остров в Санкт-Петербурге в моем сознании навсегда будет связан с этим именем. Благодаря образу, счастливо найденному автором статьи, отныне остров для меня станет как бы вечным «хранителем» памяти о замечательном шахматисте и человеке, Викторе Васильеве.

Тарту, 1.12.2000 г.

Кирилл Виноградов.

Маэстро идет на штурм

К столетию со дня рождения Курта Рихтера

В первые десятилетия XX века ведущими мастерами атаки считались Маршалл и Шпильман. В 30–40-е годы эстафету их острого стиля подхватили Керес, Толуш, Бронштейн, Нежметдинов... Среди приверженцев бескомпромиссной, комбинационной игры видное место занимал тогда и германский мастер Курт Рихтер.

Рихтер родился 24 ноября 1900 года; почти вся его жизнь была связана с Берлином. Здесь он еще в 20-е годы добился в местных турнирах своих первых побед. Последовали неплохие результаты в чемпионатах Германии, и уже в 1930 году Курт становится членом национальной олимпийской команды. На Олимпиаде 1936 г. в Мюнхене мы видим Рихтера на первой доске (в 1935 г. он завоевал звание чемпиона Германии). Со временем турниров в Наухайме (1935) и Падебрадах (1936) Рихтер участвует в нескольких международных турнирах, занимая в каждом из них достойное место. Так, в Штутгарте в 1939 г. он второй за Боголюбовым, опережая Видмара и Элисказеса. В Мюнхене в 1942 г. вместе с Боголюбовым и

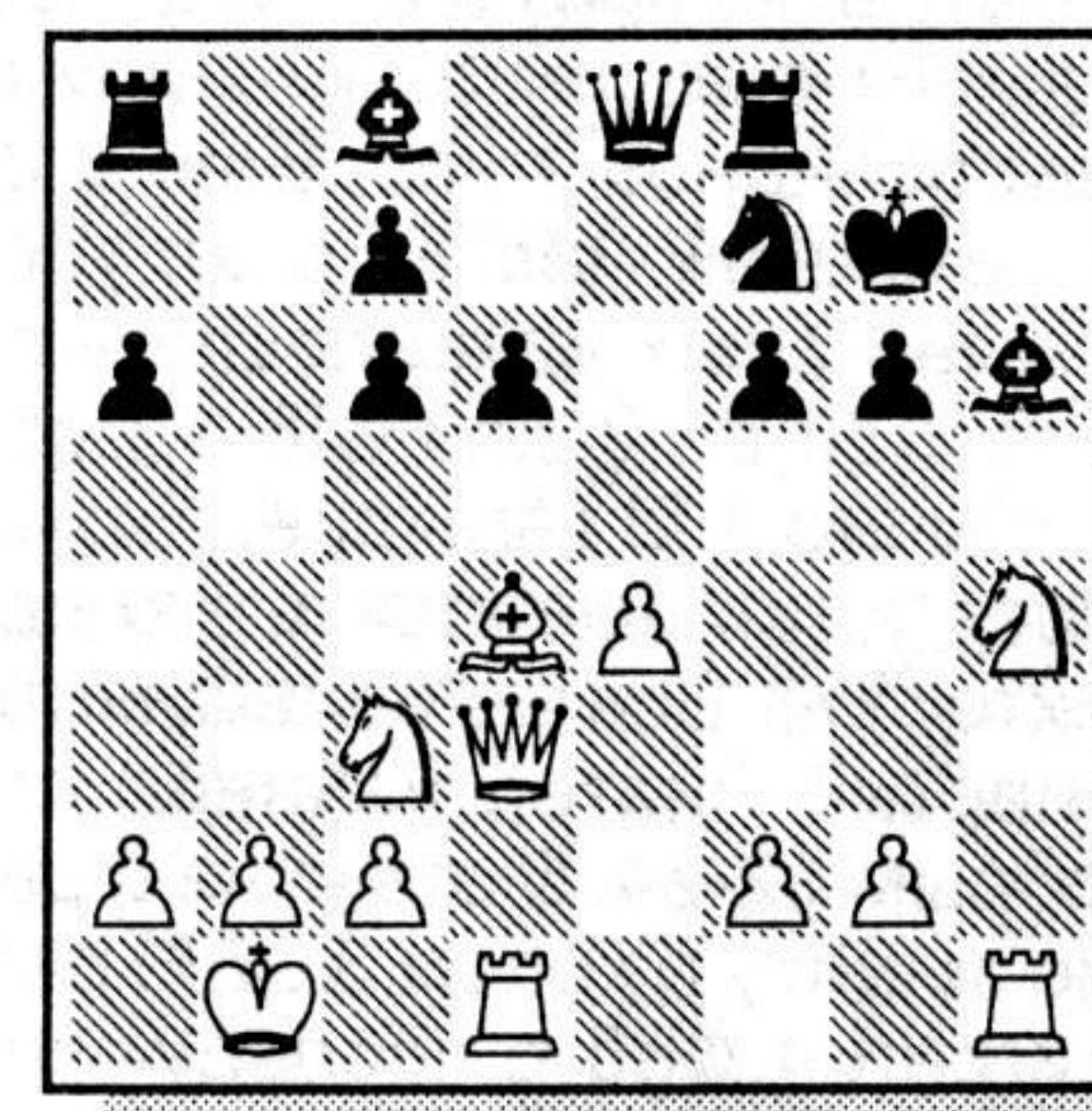
Фолтысом делит 3-5 призы, отстав лишь на пол-очка от Кереса (первым был Алехин). В различных соревнованиях немецкий мастер побеждал Боголюбова, Земиша, Элисказеса, Штольца, Петрова, Штальберга, Юнге, Тешнера, Даргу... Только на партии с чемпионом мира эти успехи не распространялись.

После второй мировой войны Рихтер продолжал выступать в германских турнирах. Но все реже и реже. Зато его литературная активность возросла. Курт Рихтер – автор ряда книг; особенную популярность приобрела его монография «Комбинации», выдержанная много переизданий.

Если Маршалл и Шпильман, пережив период «бури и натиска», с годами «остепенились» и стали сознавать свои тактические порывы с фундаментальными принципами стратегии и здравым смыслом, то Рихтер стойко сохранял тягу к романтическим приключениям, какое-то мальчишеское стремление учинить на доске хаос осложнений. Риск ради риска нередко граничил у него с легковесностью, если не с авантюризмом.

К. Рихтер – Ф. Земиш

Берлин, 1934



В этой позиции белые могли закрепить достигнутый перевес после 17. $\mathbb{W}g3$. Но искушение немедленно вызвать штурм было слишком велико – пусть-ка тяжелодум Земиш попробует разобраться в изменившейся обстановке!

17. $\mathbb{W}g6$ $\mathbb{Q}g6$ 18. $\mathbb{W}f3!$ $\mathbb{Q}h7$

Едва ли сильнее 18... $\mathbb{W}e7$ 19. $\mathbb{W}h5$ $\mathbb{Q}g7$ 20. $\mathbb{Q}d3$.

19. $\mathbb{W}f6$ $\mathbb{Q}g8$ 20. $e5$ $\mathbb{Q}g6$ 21. $\mathbb{Q}e4!$ $d5$ 22. $e6$ $\mathbb{Q}e6$ 23. $\mathbb{Q}g5$ $\mathbb{Q}g5?$

Вот решающая ошибка. Следовало играть 23... $\mathbb{Q}g5$. Белые сохранили инициативу (24. $\mathbb{Q}h6$ $\mathbb{Q}h6$ 25. $\mathbb{Q}g5$ $\mathbb{Q}g6$ 26. $\mathbb{Q}e5!$), но черные могли продолжать борьбу. А теперь наступает быстрый финал.

24. $\mathbb{Q}h6$ $\mathbb{Q}h6$ 25. $\mathbb{Q}h1$ $\mathbb{Q}h3$ 26. $\mathbb{Q}h3$ $\mathbb{Q}h3$ 27. $\mathbb{Q}h4\#$